

УДК 81-119

И. О. Дементьев

«ЧТО (НЕ) НАПИСАЛ СОССЮР»: ПОЛВЕКА ДИСКУССИЙ О ТЕОРИИ АНАГРАММ¹

17

Рассматривается история изучения идей Фердинанда де Соссюра об анаграммах. После публикации материалов Соссюра в конце 1960-х годов и его черновых заметок в 1990-х годах исследователи получили богатый материал для интерпретаций, далеко выходящих за рамки первоначальной тематики древней индоевропейской поэзии. Показано многообразие подходов разных авторов к идеям Соссюра – от семиотики Ю. Кристевой до мнемотехнического анализа М. Гронаса. Изучение анаграмм в последние десятилетия опирается на уточнение терминологии, отличается компаративным и междисциплинарным характером.

This article explores the history of studies into Ferdinand de Saussure's ideas of anagrams. When Saussure's notebooks were published in the late 1960s and his drafts in the 1990s, scholars received a wealth of material for interpretation going far beyond the initial topic of ancient Indo-European poetry. The paper emphasises the diversity of approaches to Saussure's ideas – from J. Kristeva's semiotics to M. Gronas's mnemotechnical analysis. Over the recent decades, the study of anagrams has rested on the clarification of terminology and the promotion of the comparative and interdisciplinary approaches.

Ключевые слова: анаграмма, Лукреций, Фердинанд де Соссюр.

Key words: anagram, Lucretius, Ferdinand de Saussure.

Идеи Фердинанда де Соссюра, высказанные в ряде заметок и писем 1906–1909 годов и опубликованные лишь в 1960-х годах [13], касались анаграмм в древних индоевропейских текстах. Его первенство в разработке темы неоспоримо, а теоретический вклад оказался настолько значительным, что последние полвека исследователи разных специальностей продолжают в своих работах отталкиваться от соссюровской теории анаграмм. В настоящей статье характеризуются основные этапы и тенденции в развитии интерпретаций соссюровских гипотез.

Соссюр обосновывал тезис о том, что анаграмма – «главный принцип индоевропейской поэзии» [13, р. 36; 4, с. 640]. К этому выводу ис-

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ 14-04-00124 «Анаграмматические коды: когнитивные основания и текстопорождающие возможности».

следователя подвело тщательное изучение формы сатурнова стиха, более поздней латинской литературы, гомеровского эпоса, ведийских гимнов и древнегерманской поэзии. Один из важнейших вопросов в истории науки об анаграммах состоит в том, почему Соссюр не опубликовал свои теоретические разработки. Этот факт принято объяснять тем, что его, как честного исследователя, не оставляли сомнения в отношении того, действительно ли описанный им принцип анаграммирования воспринимался древними как закон. Основная проблема была в том, что ни у кого из известных римских авторов подобный закон не упоминался [13, p. 124]. По всей видимости, Соссюр не планировал опубликовать свою гипотезу, доверив ее лишь близким друзьям и коллегам (и то, как осторожно заметил один из исследователей, лишь частично [6, p. 178]).

Надо признать, что догадки Соссюра интересны в свете находок филологов, которые вели разработку тематики анаграмм независимо от него. Например, Пауль Фридлиндер (1882–1968) в 1941 году опубликовал статью «Характер звука и атомистическая теория у Лукреция», в которой он, заведомо не зная о соссюрской теории, интерпретировал творческую манеру римского поэта. По Фридлиндеру, Лукреций понимал соединяющиеся в речи буквы как атомы, из комбинаций которых складывается мир (см. об анаграммах и других языковых играх у Лукреция недавнюю работу [7, S. 628–633]).

Не используя термин «анаграмма», Фридлиндер в поэме Лукреция отмечает именно это явление, называя его «подобием звуков» (*the similarity of sounds*):

gravi sub RELIGIONE
quae caput a caeLI REGIONibus ostendebat
horribili *super* aspectu mortalibus *instans*
(I, 63–65; все выделения принадлежат Фридлиндеру) [8, p. 19].

В переводе Ф. А. Петровского «под РЕЛИГИИ тягостным гнетом, / С ОБЛАСТЕЙ НЕБА главу являвшей, взирая оттуда / Ликом ужасным своим на смертных, поверженных долу» [3, с. 29] игра звуков теряется². Этим созвучием, по Фридлиндеру, Лукреций выражает мысль о происхождении религии из небесной области; кроме того, в следующей строке он отсылает читателя также к слову *superstitio* (суеверие), этимология которого, по представлениям того времени, восходила к *superstantium* (боги, которые «SUPER nos STANT», то есть «над нами стоят» — именно эти понятия анаграммированы в последней строке пассажа из поэмы). Фридлиндер подбирает и другие примеры осмысленной игры поэта со слогами, отражающей соотнесенность понятий, связь природы и языка.

² В более раннем переводе И. Рачинского, кажется, сделана попытка сохранить авторскую игру: «На земле, удрученная бременем ВероучЕНья, / что из ВладЕНий НЕбесных главу простирало и сверху / взор угрожающий свой непрестанно бросало на смертных» [2, с. 4].

В некоторых случаях он даже, кажется, проходит мимо возможных анаграмм, поскольку сосредоточен на поиске более сложной системы приемов, используемой Лукрецием для выражения своего мировоззрения:

at contra taetra absinthi natura ferique
centauri foedo pertorquent ora sapore³
(II, 400–401) [8, p. 22].

Для П. Фридлиндера в этом пассаже значима игра звуков, отражающих качества природных явлений (навязчивые *tr*, *rt*, *rq*), он отмечает особую роль звука *r* в конструкции «natuRa feRique centauRi» [8, p. 23], игнорируя возможную анаграмматическую игру в NaTuRa FeriQue CeNTauRi Foedo (NTRFQ – CNTRF, если допустить соответствие букв *q* и *c* или слогов *que* и *ce*).

Радикальное отличие взгляда, развивавшегося Соссюром, от элементарных поисков повторяющихся слогов, состоит в том, что швейцарский лингвист предположил использование анаграмм для совершенно определенных нужд: «Основанием для появления анаграмм могло бы быть религиозное представление, согласно которому обращение к богу, молитва, гимн не достигают своей цели, если в их текст не включены слоги имени бога» [4, с. 642].

Знакомство последователей с идеями, которые Соссюр не стал предавать гласности, происходило постепенно, в два этапа. Сначала, в 1964–1971 годах, были опубликованы тетради из соссюровского архива, материалы которых легли в основу ряда статей Жана Старобински, собравшего их в книге «Слова под словами», жанр которой определить затруднительно [13] (см. более позднее «дополнение» [14]). В ней авторский текст, данный курсивом, перемежается с обширными пассажами из различных материалов Соссюра. Среди ведущих интерпретаторов этих идей в 1960–1970-е годы видное место занимает Петер Вундерли, автор монографии «Фердинанд де Соссюр и анаграмма. Лингвистика и литература» (1971) [18]. Именно этими работами вдохновлялось большинство ученых, обращавшихся затем к теоретическим аспектам анаграммирования (см. их обзор в новейшей монографии Б.М. Гаспарова [10, p. 139–149]). П. Вундерли, усматривая иронию судьбы в том, что Соссюр надеялся найти ключ к древним литературам, а его идеи приобрели значение прежде всего в литературе современной, отмечал: «Как и в лингвистике, здесь Соссюр также далеко опередил свое время» [18, S. 10]; см. также [18, S. 113–150]. В частности, тематика анаграмм пережила бурный расцвет в творчестве авторов журнала «Тель Кель», прежде всего Юлии Кристевой.

Ю. Кристева в работе «Семиотика» (1969) посвятила анаграммам раздел «О семиологии параграмм» (раздел написан в 1966 году; критику см.: [9, p. 413–416]). Семиотический анализ, по Кристевой, легче всего описывает параграмматизм на уровне поэтического дискурса (где

³ В переводе Ф.А. Петровского «Наоборот же, полынь своей горечью или же дикий / Тысячелистник уста нам кривят отвратительным вкусом» [3, с. 69].

его и обнаружил Соссюр), однако аналогия между двумя «способами бытия» позволяет интерпретировать и другие социальные практики в том же духе: «Социальная история, рассматриваемая как пространство, а не телеология, также структурируется на всех уровнях... как *параграмма* (природа — общество, закон — революция, индивид — группа...)» [1, с. 99]. Кристева смело предложила через анализ параграмм прийти к пониманию социальных жестов, среди которых поэтическое высказывание является далеко не единственным; в преддверии событий 1968 году Кристева прогнозировала, что «сопоставляя открытия новейшей метаматематики и математической логики со структурами современного поэтического языка, семиотика... займет ключевую идеологическую позицию в глобальном революционном процессе» [1, с. 126], поскольку соединит грамматический (монологический) и параграмматический (протестный, диалогический) подходы. История науки показала, что авторы «Тель Кель» все же преувеличивали революционный потенциал семиотики, хотя междисциплинарную перспективу как в академических исследованиях, так и в социальной практике они почувствовали безошибочно.

Лихорадочный поиск закодированных слов обусловил даже появление в 1960—1970-х годах своеобразных «охотников за анаграммами» (*the anagram hunters*) [11, p. 188]. В научном плане идеи Соссюра, к которым он сам относился весьма осторожно, первоначально развивались и уточнялись лингвистами и теоретиками литературы. Первые собрали дальнейший материал по анаграммам в индоевропейской поэтической традиции (в архаической ирландской поэзии и т. д.); последние углубили взгляд на природу текста. Некоторые исследователи описали анаграмму как семантическую категорию, которая при определенных условиях, как отмечено в одном из недавних обзоров, «порождает добавленное значение в поэме, семантизируя элементы низших уровней текста» [17, p. 69]. В рамках семиотики был разработан подход, позволивший снять вопрос об авторской интенции. В частности, в работах Московско-Тартуской школы показано, как русские поэты начала XX века использовали анаграммы, в том числе в криптографических целях (роль этих исследований особо отмечается в зарубежных работах [Ibid.]).

Однако на этом сюрпризы, подготовленные великим лингвистом для потомков, не закончились. Следующий этап начался в 1996 году, когда в Женевскую публичную и университетскую библиотеку были переданы документы Соссюра, включавшие пять листов с материалами по анаграммам. Они были каталогизированы Рудольфом Энглером и подробно исследованы Иваном Каллусом (факсимильное воспроизведение «листочков» Соссюра см.: [6]; идеи И. Каллуса поддержаны: [5, p. 125—131]). По всей видимости, они связаны с другими бумагами Соссюра, которые, увы, не сохранились.

Первая особенность, отмеченная И. Каллусом, заключается в том, что новые материалы содержат два термина, которые не были известны

исследователям по ранее опубликованным анаграмматическим материалам Соссюра — *jalonnante* (жалоннант) и *parathlipse* (паратлипис). Согласная называется *jalonnante*, когда она стоит в начале или в конце слова, участвуя в конструировании анаграммы (пограничный статус придает ей функцию анонса; пример — *dona igitur barbarus = DONa igitUR barbaRUS = dorus*). Под *parathlipse* понимается специфический порядок, в котором взаимодействуют фонемы: *dona igitUR barbaRUs = do + ur + rus = dorus* (где значимо, что *ur* в первом слове анонсирует *ru* во втором). Развивая эти идеи, Соссюр вынужден перейти от привычной работы с фонемами к более протяженным единицам. Он подчеркивает интенциональность этих приемов и упоминает, что нашел много подобных случаев. Каллус, впрочем, резюмирует, что соссюровскому объяснению обоих приемов недостает как ясности, так и полноты, и в то же время трудно понять, какое значение Соссюр придавал этим понятиям и как далеко он был намерен их развивать [6, p. 186–187].

В материалах появляется еще одна новая идея: «Всякое *имя собственное*, которое будет произнесено в некоем тексте (мифологическое, географическое имя и т. д.), должно получить свою гипограмму, даже если оно играет совершенно случайную и побочную в тексте роль» [6, p. 179–180, 202]. Кроме имен собственных гипограммированию подвергаются также «редкие слова» — например, Соссюр упоминает слово *postscenia* («закулисье») у Лукреция⁴. Эта догадка отклоняется от ранее высказанной Соссюром мысли о том, что гипограммированию подлежит лишь одно имя.

Не зная об этом направлении мысли Соссюра, исследователи, обращавшиеся за эти полвека к древним литературам, показали и насколько соблазнителен повсеместный поиск анаграмм, и насколько этот метод уязвим в условиях хронического дефицита независимых источников. Среди основных проблем, сформулированных Ж. Старобински, вопрос о том, как разграничить авторскую интенцию побудить читателя найти анаграмму и умение читателя искать соответствия там, где их нет. Этому развлечению отдают дань почти все анаграмматологи: Старобински нашел у Вергилия анаграммы к именам «Наполеон» и «Фидель Кастро» [14, p. 8]; П. Вундерли вычитал сразу в двух рекламных текстах на пачке сигарет «Belvedere» название этой марки и дворца принца Савойского в Вене [18, s. 153], а М. Гронас даже обнаружил относительно точную анаграмму собственного имени *M. Gronas* в самом слове *anagrams* [11, p. 188].

⁴ И в этом пункте «новый» тезис Соссюра неожиданно перекликается с высказанной нами догадкой об анаграмме в «*natura ferique centauri foedo*», где *centaureum* («золотысячник», который Ф.А. Петровский по соображениям ритма, очевидно, заменил на «тысячелистник», хотя это разные растения) вполне мог бы играть роль «редкого слова» и даже, по смыслу, имени собственного — имени растения. Более точный перевод И. Рачинского: «Горький полынь же и золототысячник дикий, напротив, / Вкусом своим отвратительным морщиться нас заставляют» [2, с. 41].

Ж. Старобински полагал, что, «может быть, единственной ошибкой»⁵ Соссюра была жесткая альтернатива между случайностью и сознательностью в производстве анаграмм: «Почему не увидеть в анаграмме один из аспектов *процесса* речи — процесса ни чисто случайно, ни полностью сознательного?» и, следовательно, не стоит ли рассматривать анаграмму как «некоторую *регулярность* (или закономерность), где произвольность слова-темы доверяется необходимости процесса?» [13, р. 154].

Однако направления исследований начала XXI века выходят за рамки соссюровского вопроса о том, были ли анаграммы в древних текстах продиктованы «главным принципом» или они носили случайный характер. Констатируя, что на главный вопрос Соссюра — какова же была оригинальная функция анаграммы и почему она при всей очевидности не описана эксплицитно — ответ все еще не получен [11, р. 163], Михаил Гронас предлагает свое решение. Он приходит к выводу о том, что анаграммы как в древних, так и в современных литературах могут также нести мнемотехническую функцию. Аргументацию этого тезиса он разворачивает на основе анализа стихотворения О.Э. Мандельштама «Ласточка» («Я слово позабыл, что я хотел сказать...»). Поэтом «позабыто» неназванное в тексте стихотворения имя «Аид», на которое указывают разные признаки — факт поэтического переосмысления народной этимологии греческого слова «Аид» = «невидимый», т. е. бестелесный («и мысль бесплотная») и прозрачный («всё не о том прозрачная твердит»); рефрен имени «Аид» в тексте (пАльцев стЬИд, рыдАнья АонИД, прОзрАчная твердИт, гОрИТ, сАмо гудИТ) и т. д. [11, р. 174–177]⁶. Гронас констатирует сходство анаграмм и состояние, когда «слово вертится на языке», вызванное, возможно, общей психологической природой этих феноменов, зависящих от эффекта прайминга, или фиксирования установки (проявление имплицитной памяти, при котором реакция на стимул облегчается предшествующим действием того же самого или подобного стимула). Прайминг может объяснять когнитивный механизм анаграммы, представляющей с помощью одних слов другие — неназываемые, но имеющиеся в активной памяти поэта.

⁵ Ф. Браво переформулирует «ошибку Соссюра» как стремление «поставить проблему анаграммы в терминах интенциональности и пытаться показать любой ценой, что анаграмма есть сознательная практика и всегда желаемая по-этом» [5, р. 22].

⁶ Есть и другие примеры сознательного анаграммирования у Мандельштама: Гронас даже высказывает предположение о том, что поэт мог во время пребывания в Швейцарии слышать лекции Соссюра, в том числе его рассуждения об анаграммах, что и привело его к использованию этого приема. «Не слишком ли многое я вычитал в строчках Мандельштама?» — задается риторическим вопросом исследователь и отвечает сам себе не без оттенка меланхоличности: «Мы этого никогда не узнаем» [11, р. 197]. Разумеется, этот автодиалог полностью можно воспроизвести и в отношении предполагаемой анаграммы в процитированных выше строчках Лукреция.

Осмысливая мнемотехническую функцию анаграммы, Гронас приходит к заключению об аналогии между анаграммой и рифмой — с той лишь разницей, что рифма очевидна для читателя, а анаграмма взыскует исследователя, но при этом «бенефициаром» этой мнемотехнической операции выступает сам поэт [11, р. 185].

В целом в работах начала XXI века о наследии Соссюра отчетливо выделяются три тенденции: интерпретация соссюрских идей через уточнение его терминологии и тщательный анализ его текстов вплоть до изучения их графической формы [6; 9; 16]; стремление к компаративному анализу гипотезы Соссюра и концепций других авторов; расширение рамок междисциплинарного исследования анаграмм.

Компаративный подход продемонстрировал, в частности, молодой французский филолог Пьер-Ив Тестенуар, сопоставляющий подходы к анаграммам у Соссюра и у поэта Тристана Тцара (1896—1963). Последний занимался дешифровкой анаграмм в стихах Франсуа Вийона и других авторов XV—XVI веков, постепенно продвигаясь вглубь веков и обнаруживая анаграммы в творческом наследии Ф. Петрарки, Данте и, наконец, трубадуров XII века. Хотя, как отмечает Тестенуар, анаграммы у Тцара и у Соссюра — «две различных реальности», исследователей сближают теоретические трудности одинакового рода — возможность случая и вопрос о границах интерпретации. Однако обе реальности неожиданно встречаются в рамках «поэтики включения и соединения»: примат имени собственного как объекта для анаграммирования постулировался Соссюром для богов в древней индоевропейской поэзии (вплоть до гомеровского эпоса, о чем подробнее Тестенуар пишет в своей диссертации 2010 года [16]) и констатировался Тцара в отношении трубадуров, шифровавших имена своих Прекрасных дам. В этом свете поэтическое творчество обоими исследователями понимается как «работа с возможностями имен», как реализация «продуктивности анаграммы» [15]; см. также: [9, р. 127—133; 5, р. 77—78]. От сравнения с исследованиями ученые переходят в соответствии с заветами постструктуралистов к сравнению с текстами вообще: Хосе Рамон Сабин Лестайо в работе «Соссюр — Старобински — Борхес» обсуждает реализацию потенциала соссюрской проблематики в постструктуралистской философии и постмодернистской литературе (библиотекарь Вавилонской библиотеки у Борхеса появляется как новое воплощение Соссюра [12, р. 340—341]).

Федерико Браво в недавней работе настаивает на том, что междисциплинарность была заложена самим Соссюром в основание исследования анаграмматизма, который был открыт лингвистом на материале поэзии, но ориентировал на изучение психосемиотических механизмов творчества [5, р. 12]. Постулировав необходимость нового, трансдисциплинарного прочтения тезисов Соссюра, Ф. Браво предлагает подойти к соссюрским идеям с позиций неврологии, психоанализа и семиологии.

Статистическая лингвистика, возможности которой во времена Соссюра были заметно слабее, — возможный путь к решению проблемы случайности или осознанности анаграммирования, однако призывы к

математикам, раздававшиеся еще в 1970-е годы, остались неслышанными, что иногда объясняется тем, что анаграмма все еще довольно смутный объект, трудно поддающийся формализации, см. об этом: [11, р. 160, 189].

Несмотря на прогресс в интерпретации материалов Соссюра об анаграммах, исследователям известно, что большое количество его материалов остается неопубликованным и неизученным [15]. Парадоксальный факт: Соссюр не планировал опубликовать свою гипотезу, однако она, будучи открытой потомками, и обнаружила неожиданные подтверждения на материале различных культур, и столкнулась с трудностями, озадачившими других исследователей, и породила значительный интерес к проблематике анаграмм как среди ученых, так и широкой публики.

Изучение феномена анаграмм изначально требовало обращения к лингвистике и литературоведению, однако сегодня оно не может вестись без учета достижений когнитологии, статистики, психолингвистики, психологии, других наук. Догадки Соссюра подтверждаются и опровергаются на богатом и разнообразном материале. Компаративность и междисциплинарность — характерные черты современных исследований, которые, в конечном счете, вдохновлены несколькими черновыми заметками Фердинанда де Соссюра, что лишний раз подчеркивает масштаб этой фигуры в истории науки.

Нас еще ждут открытия на пути к уточнению идей великого женева: часть того, что он написал, еще не прочитана, и, кроме того, как настаивал Анри Мешонник, «читать Соссюра — это также читать то, чего он не написал» (цит. по: [5, р. 259]). Однако как бы ни развивалось соссюроеведение, актуальными остаются слова Жана Старобински о том, что «ошибка Фердинанда де Соссюра (если это была ошибка) оказалась также поучительным уроком. Он нас научил тому, как критику трудно избежать того, чтобы принять свое открытие за правило, которому следовал поэт. Критик, поверив в совершенное открытие, плохо смиряется с тем, чтобы допустить, что поэт не *хотел*, сознательно или бессознательно, того, что анализ заставляет лишь *предполагать*. Он хочет заставить поэта разделить с ним этот анализ. Но поэт, сказавший все, что желал сказать, странным образом остается немым» [13, р. 154]. «Подлинное соссюроевское открытие не там, где его ожидали, — резюмирует свое перепрочтение теории анаграмм Ф. Браво, — потому что открытое Соссюром... есть не ответ, а вопрос. Расспрашивая античные тексты, Соссюр отвечает в действительности на другой, более широкий и фундаментальный вопрос, касающийся самой сущности языка. Рассматриваемая под этим углом зрения анаграмма не есть лингвистическая проблема. Она, скорее, ее решение» [5, р. 260].

Возможно, секрет привлекательности соссюроевских идей в том, что сами они могут быть интерпретированы анаграмматически: рассуждая о значении анаграмм в индоевропейской поэзии, Фердинанд де Соссюр в действительности прокладывает путь для все более новых интерпретаций феноменов языка и сознания, оставляя при этом открытым

вопрос о том, хотел ли он сам именно этого или же мы неоправданно приписываем его немоте многозначительность, а случайности — статус закономерности. И здесь, как обычно, Соссюр вновь далеко опередил свое время.

Список литературы

1. Кристева Ю. Семиотика: Исследования по семанализу / пер. Э.А. Орловой. М., 2013.
2. Лукреций (Тит Лукреций Кар). О природе вещей / пер. И. Рачинского. М., 1933.
3. Лукреций (Тит Лукреций Кар). О природе вещей / пер. Ф.А. Петровского. М., 1983.
4. Соссюр Ф. Труды по языкознанию / пер. под ред. А.А. Холодовича. М., 1977.
5. Bravo F. Anagrammes. Sur une hypothèse de Ferdinand de Saussure. Limoges, 2011.
6. Callus I. Jalonnante and parathlipse: encountering new terminology in Ferdinand de Saussure's researches into anagrams // Cahiers Ferdinand de Saussure. 2002. N. 55. P. 169–202.
7. Franz M. Von Gorgias bis Lukrez. Antike Ästhetik und Poetik als vergleichende Zeichentheorie. Berlin, 1999.
8. Friedländer P. Pattern of Sound and Atomistic Theory in Lucretius // The American Journal of Philology. 1941. Vol. 62, № 1. P. 16–34.
9. Gandon F. De dangereux édifices. Saussure lecteur de Lucrèce. Les cahiers d'anagrammes consacrés au *De rerum natura*. Louvain; P., 2002.
10. Gasparov B. Beyond Pure Reason. Ferdinand de Saussure's Philosophy of Language and Its Early Romantic Antecedents. N. Y., 2013.
11. Gronas M. Just what word did Mandel'shtam forget? A mnemopoetic solution to the problem of Saussure's anagrams // Poetics today. 2009. Vol. 30, №2. P. 155–205.
12. Lestayo J. R. S. Les mots sous les choses: Starobinski, Borges, Saussure // Modern Language Notes. 2014. Vol. 129, №2 (Hispanic Issue). P. 330–351.
13. Starobinski J. Les mots sous les mots. Les anagrammes de Ferdinand de Saussure. P., 1971.
14. Starobinski J. Lettres et syllabes mobiles. Complément à la lecture des Cahiers d'anagrammes de Ferdinand de Saussure // Littérature. 1995. Vol. 99. P. 7–18.
15. Testenoire P.-Y. Sur une philologie anagrammatique: rencontre d'un linguiste (Saussure) et d'un poète (Tzara) // Fabula-LhT. 2008. №5. URL: <http://www.fabula.org/lht/5/testenoire.html> (дата обращения: 02.06.2015).
16. Testenoire P.-Y. Ferdinand de Saussure à la recherche des anagrammes. P., 2013.
17. *The New Princeton encyclopedia of poetry and poetics* / ed. A. Preminger, N. V. F. Brogan. Princeton, 1993.
18. Wunderli P. Ferdinand de Saussure und die Anagramme. Linguistik und Literatur. Tübingen, 1972.

Об авторе

Илья Олегович Дементьев — канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: IDementev@kantiana.ru

About the author

Dr Ilya Dementyev, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University.
E-mail: IDementev@kantiana.ru